

Как создавалась наука в СССР и что от нее осталось

Еще будучи в СССР, работая заведующим лабораторией в Академии наук, я бывал на международных конференциях. Эмигрировав в Израиль, несколько лет работал в Хайфском Техническом Университете (Технионе), затем переехал в Канаду. Я столкнулся со странным, в какой-то степени обидным для меня отношением западных ученых ко всей русской науке, научным публикациям на русском языке, диссертациям и ученым званиям. Привыкший к обязательном ритуальным прославлениям российского научного приоритета, зная о несомненных достижениях в ядерных, космических, геологических и других областях, я никак не мог понять этого пренебрежения. И это на фоне вполне почтительного отношения к каждому конкретному ученому, приглашениям их на работу в университеты и фирмы.

Конечно, и я шутил над русификацией науки в период борьбы с космополитизмом, называя «вольтметр» - «напряжометром», а «презерватив» - «херамантией». И все же было странно, что Периодическую таблицу элементов никто и никогда не называет «Таблицей Менделеева». Почему не читают русских научных журналов? Самое неприятное, однако, было в том, что приехавший на Запад ученый должен был начинать «с чистого листа», с новых публикаций и докладов на английском языке, патентов и даже лабораторных экспериментов под присмотром западных профессоров.

За что же так? Справедливо ли? И тогда я вспомнил.

В России традиционно ученые находились под подозрением у малограмотных властей. «Больно умные», «очки надел», не доверяет – проверяет. Все это началось даже не с советской власти. Михайло Ломоносов отстаивал свое право быть в Академии, сочиняя оды императрице. Советская власть привечала ученых попроще – Трофим Денисович Лысенко, авторы плана ГОЭЛРО, Бардин и др..

Почтения у нас к наукам нет,
Что толку нам в занятиях отвлеченных.
Поэт в России – больше, чем Поэт,
Ну а Ученый – меньше, чем Ученый.

Всеобщая система приведения ученых «к общему знаменателю» при Сталине работала безотказно. В тюрьмах и ГУЛАГЕ побывали Н.И. Вавилов, С.П. Королев, Л.Д. Ландау, А.Н. Туполев, Л.К. Рамзин и десятки тысяч других, менее известных. Ученые звания, вплоть до самых высших, иногда приобретались путем эксплуатации безвестных и бесправных тружеников науки. Первая стадия этого процесса – получение ученых званий начальниками ГУЛАГовских «шарашек» - блестяще описано А. Соложенициным «В круге первом». Известны также случаи защиты диссертаций, написанных арестованными «врагами народа», оклеветавшими их «стукачами». Позже к ученым званиям, изобретениям, поездкам на международные конгрессы, государственным премиям и т.п. приобщались наряду с сотрудниками «органов», руководящие партийные и государственные чиновники различного ранга. Они либо вытесняли, либо присоединялись к родственникам «врагов народа», «космополитам», евреям, просто талантливой молодежи, которые готовы были ради реализации своих идей, ради карьеры,

публикации трудов и т.д. поступиться своим авторством частично или полностью. Конечно это было не всегда и не обязательно, но по мере приобщения к ученым званиям разного рода проходимцев, все чаще и чаще.

Командная роль малограмотных (в ученом смысле) «деятели науки» породила такие позорные ее страницы, как борьба с генетикой, объявление кибернетики «буржуазной лженаукой», гонения на квантовую химию, овладение ядерной энергией с помощью шпионов, Чернобыльскую катастрофу, очистные сооружения целлюлозно-бумажного комбината на Байкале, «научное торжество» марксистко-ленинской теории, провал А.Д. Сахарова при избрании его в Верховный Совет от Академии наук и многое другое. Никто из «виновников» не пострадал. Основной автор Чернобыльской АЭС стал президентом Академии наук, именем гонителя кибернетики названа улица в Москве, мемориальные доски и памятники неприкосновенны.

Известна притча о посещении английской королевой Анной знаменитой Гринвичской обсерватории. Директор обсерватории – знаменитый астроном Джеймс Брайден рассказывал королеве об открытиях ученых. Королева поинтересовалась жалованием ученых, и узнав сумму, простоудушно удивилась:

- Так мало? Я полагаю, жалование надо увеличить.

- Не делайте этого, Ваше величество, - неожиданно взмолился Брайден, - иначе на мою должность и должности ученых будут назначать придворных.

Именно так произошло в СССР. К концу «застойного периода» в Академии наук СССР осталось едва ли 10-15% настоящих ученых.

«Ученым можешь ты не быть,

Но кандидатом быть обязан».

Так гласила чиновная мудрость. И кандидатские, докторские ученые степени, профессорские и академические звания стали получать высшие чиновники – от референтов до министров. Были, конечно, и люди-«симбиозы» ученых с чиновниками. Но полный развал российской науки в 90-х годах обусловлен не одним лишь отсутствием финансирования или «утечкой мозгов». Плановое финансирование науки, щедрые льготы чиновникам от науки привели к полной оккупации руководства наукой штатными и партийными «руководителями науки».

Ущерб от проникновения чиновников в науку не ограничивался зажимом подлинных ученых. Что могли придумать научные чиновники? Конечно, планирование науки. Как заведующий лабораторией я тратил до 20% своего времени на составление, утверждение, подготовку различных планов – от «личных творческих» на 1 год до 5 – 15-летних для лаборатории, Института, отрасли промышленности, страны. Идиотизм этого мероприятия доходил до планирования научных результатов исследований, которые еще только планировались. Бюрократический механизм активно развивался, требуя, как Молох, все новых жертв – штатных руководителей и аппарат планирования, финансирования, зданий и т.п. СССР вышел на первое место в мире по количеству «ученых» - свыше 1 млн. душ, производящих, в немалом объеме, «мягкий товар» - бумаги. Изучался документооборот, писались обзоры будущих достижений.

Заметим, что назначение «ученых» на государственные посты – не «научная фантастика». Руководящие кадры плавно перетекали из ученого мира в чиновничий и обратно. Нередко академики становились министрами, а министры

академиками. Весь аппарат был насквозь пронизан КГБ, его штатными и внештатными сотрудниками, обеспечивающими «секретность», слежку, лояльность, условную марксистско-ленинскую базу научных теорий.

Повторяю, так было, пусть не везде в полной мере, но было очень часто. Это породило соответствующее отношение как внутри, так и вне страны, к ученым званиям, публикациям, институтам. Естественно, возникла коррупция «ученых», отстаивающих авторитет, безгрешность и засилье, а в конечном счете, финансирование и карьеру. «Научные школы» под руководством «ученых в законе», очень похожие по методам на иных деятелей «в законе», безапелляционно диктовали свои научные принципы; исчезла возможность научного диспута, конкуренция идей.

Предлагаемая читателю опереточная интерпретация особенностей российской науки - «Горе от большого ума», конечно, утрирована, как это свойственно комедийному жанру. Но никто из знатоков истинного положения вещей не станет утверждать, что все это неправдоподобно и немислимо. Пьеса списана с реального института. «Театр – не зеркало, а увеличительное стекло». И в этом смысле – она правдива.

К сожалению, даже тем, кто добросовестно работал в российской науке, не приходится обижаться на подозрительность западных коллег.